Кольцов Алексей

1984

14 ОКТ 1984

ИЗВЕСТИЯ

ВЛАСТИТЕЛИ ДУМ ПОЭТИЧЕСКИХ

15 октября исполняется 175 лет со дня рождения А. В. Кольцова и 170 лет со дня рождения М. Ю. Лермонтова

Они были современниками...

Безрифменный стих, музыкальный и сильный, как сама народная песня, звучал у Кольцова неожиданно смело и звонко.

Пушкин прислушивался к новому голосу с удивлением и надеждой. Много опытов было «в жанре народной песни», но ничего подобного песням Кольцова в литературе еще не было.

«Обращаюсь к русскому стихосложению, — отметил Пушкин в набросках одной из своих статей. — ...Вероятно, будущий наш эпический поэт изберет его и сделает народным». Эти слова были написаны Пушкиным незадолго до того, как Лермонтов окончил «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Она была напечатана в 1838 году.

Новый эпический поэт действительно избрал «русское стихосложение», как это и предчувствовал Пушкин. В поэме Лермонтова зазвучали мощные отголоски былины.

Как встрепенулся Кольцов, читая «Песню про купца Калашникова»! Как он был удивлен, узнав, что эту дивную поэму написал царскосельский гусар, сосланный на Кавказ за стихи, посвященные Пушкину.

Кольцов не был похож на Лермонтова так же, как не похожа его элегия «Лес» памяти Пушкина на гневную оду «Смерть поэта». И все же Кольцов узнавал в Лермонтове родственную натуру.

Оба они были учениками Пушкина именно потому, что искали новые пути в поэзии, стремились сблизить поэзию с народной жизнью.

По силе и свежести чувств они были ровня и родня. «Наш поэт вошел в царство народности, как ее полный властелин,— пишет Белинский. — ...Он показал этим только богатство элементов своей поэзии, кровное родство своего духа с духом народности своего отечества». О ком еще мог так написать Белинский? Если бы мы не знали, что это отрывок из статьи Белинского о Лермонтове, мы могли бы подумать, что речь идет о Кольцове.

Именно Белинский стал истолкователем не только поэтического, но и исторического, народного значения поэзии Кольцова и Лермонтова. Эти три имени — Кольцов, Лермонтов и Белинский — неразрывно свиты в истории русской литературы. Кажется, они трое раскрывали в одно и то же время одни и те же книги. И книги эти были указаны Пушкиным.

Известно, что в последние годы жизни Пушкин внимательно читал сборник под названием «Древние российские стихотворения». Это был сборник старинных русских песен и былин, собранных Киршею (Кириллом) Даниловым и напечатанный в Москве в 1804 году. Именно в этом сборнике Лермонтов почерпнул сюжет своей «Песни про царя Ивана Васильевича...». И самый стих его поэмы восходит к свободной ритмике «древних российских стихотворений». Сборником Кирши Данилова зачитывался и Кольцов, находивший здесь целый мир лирических и эпических сказаний времен Ивана Грозного или Стеньки Разина. Трудно переоценить значение сборника «Древние российские стихотворения» в истории русской поэзии. Белинский посвятил этой книге большую статью. И Кольцов тотчас откликнулся: «Критика ваша о «Древних стихотворениях Кирши Данилова» чудо как хороша».

Был еще один источник, тоже указанный Пушкиным, который и Лермонтов, и Кольцов изучали с большой тщательностью. Это «История государства Российского» Карамзина. В главе второй девятого тома «Истории» есть драматический рассказ о безответности «земских» людей, купцов и мирян перед лицом дерзких царевых опричников. Летописный рассказ Карамзина читается сейчас как правдивый комментарий к поэме Лермонтова: «ибо сказать неучтивое слово кромешнику — значило оскорбить самого царя...»

И Кольцов как автор «Стеньки Разина» и «Песни пахаря» зачитывался летописью Карамзина, находил в ней горящие страницы славы и народных бедствий. В одном из писем к Белинскому о книгах Кольцов пишет: «Еще надобно обзавестись непременно «Историей» Карамзина...».

Удивительны совпадения характеров и «взгляда» в исторических стихах Лермонтова и Кольцова. Калашников не убоялся ни опричника, ни самого царя, когда сказал: «Постою за правду до последнего»:

Горят очи его соколиные,
На опричника смотрят
пристально...

Как должны были отзываться эти строки в сердце Кольцова! Ведь Калашников—это и его герой. И не о нем ли думал Кольцов, когда создавал в 1840 году свою «Думу сокола»:

Иль у сокола
Крылья связаны?
Иль пути ему
Все заказаны?

Есть в этих лирических вопросах затаенная грозная, народная сила, которая тоже роднит Кольцова с Лермонтовым.

Кольцов был на пять лет старше Лермонтова и пережил его всего на один год. Оба принадлежали к «философическому поколению» 30-х годов, бывали в университетских кругах Москвы и Петербурга, беседовали с «русским Фаустом» Владимиром Одоевским.

Всю жизнь были рядом и никогда не видели друг друга!

В жизни они действовали независимо, но в истории литературы их пути соединились.

Еще до конца не оценено то влияние, которое оказали Кольцов и Лермонтов на Белинского, на всю передовую мысль своего времени. Как справедливо отмечает Н. Скатов, автор новой полной биографии Кольцова, недавно вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей», «по напряженному интеллектуализму» «думы» Кольцова сопоставимы лишь с «Думой» Лермонтова.

Именно так и воспринималось творчество Кольцова и Лермонтова их современниками. Н. Огарев, говоря о своем времени, отмечает, что именно Кольцов и Лермонтов были «властителями поэтических дум конца тридцатых и начала сороковых годов».

Следует заметить, что Кольцов был не только современником, но и предшественником Лермонтова. В 1834—1835 годах Лермонтов, заканчивая юнкерскую школу, писал роман «Вадим», поправлял драму «Маскарад», обдумывал поэму «Боярин Орша». Все это были вещи сугубо романтические.

Но в 1835 году вышла в свет небольшая книжка «Стихотворения Алексея Кольцова». В ней было всего 39 страничек. В третьем томе «Современника» появилась заметка, в которой говорилось: «Кольцов обратил на себя общее благосклонное внимание!». Заметку написал Пушкин. Мог ли не обратить на нее внимания Лермонтов? Он почувствовал в Кольцове именно того поэта, с которым ему всю жизнь работать рядом.

Успех Кольцова был «вызовом», который принял Лермонтов. Хронологически и по существу он шел следом за Кольцовым. Не будь Кольцова, Лермонтов не мог бы так свободно и просто рисовать, как общепонятное в поэзии, «ниву», «обоз», «степь» — все кольцовские образы:

Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно...

Сам поэтический образ родины становился неотделимым от поэзии Кольцова и Лермонтова.

Лермонтов, как и Кольцов, вступил на стезю народности, освобождаясь от условностей романтического стиля. Это была стезя «зрелой словесности». После Пушкина они двое приняли на себя груз ответственности за русскую поэзию перед лицом будущего.

«Вещие песни» Кольцова и «думы» Лермонтова завладевали русской литературой последующих поколений. Некрасов, Тургенев, Островский, Лев Толстой, Глеб Успенский, Достоевский — каждый из них по-своему отдал дань уважения своим великим предшественникам. «Весь ряд современных писателей, посвятивших свой труд плодотворной разработке явлений русской жизни, есть ряд продолжателей дела Кольцова», — говорил М. Е. Салтыков-Щедрин. И Лермонтов был первым среди них.

Эдуард БАБАЕВ.